

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 1.

ТОСКА И СМѢХЪ.

КАПРИЗЪ.

ВАСИЛІЯ ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

Дѣйствіе происходитъ въ Павловскѣ, лѣтомъ.

Гостинная; на аррьер-сценѣ большая отворенная дверь въ садъ; близь двери сидятъ на кушеткѣ графиня, передъ нею на столкѣ работа и книга; направо фортепяно; на лѣвой сторонѣ, ближе къ публикѣ, сидятъ въ креслахъ Павелъ Захаровичъ, въ рукахъ у него Journal pour rire! — Вечерь. При поднятїи занавѣса слышенъ громкій смѣхъ Павла Захаровича.

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы всегда такъ смѣялись?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*глубоко вздыхая*). Уфъ! всегда, мой другъ.

ГРАФИНЯ. И вамъ не совѣстно?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Теперь нѣтъ, но прежде, когда былъ молодъ, признаюсь, случалось приходять только что не въ истинное отчаянїе.

ГРАФИНЯ. Вѣрю.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Представь себѣ, бывало въ театрѣ, или просто въ большомъ обществѣ, всѣ чинно сидятъ, разговариваютъ въ полголоса; тогда, мой другъ, было не то, что теперь: говорили старики, а молодые слушали; и когда слушали, не разваливались на диванахъ, не клали ногу только—что не на сосѣдей; покойная бабка,—стога была старуха,—подзоветъ бывало за чѣмъ-нибудь, такъ разовѣ шесть перемишься въ лицѣ, прежде чѣмъ дойдешь; не знаешь, куда руки дѣвать; хорошо если подвернется шляпа, ну вертишь, безъ шляпы же бѣда! — вотъ и подзоветъ, а тутъ какъ на грѣхъ этакой какой-нибудь съ кошицею, взглянешь, — фыркнешь, да ни съ того ни съ сего и лопнешь со смѣху, — характеръ такой; ну и поведутъ на атресоль!..

ГРАФИНЯ. Не доканчивайте, mon oncle; послѣдствїя грустныя!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Положимъ, что грустныя, а все-таки, мой другъ, искреннюю и постоянную веселость я всегда предпочиталъ постоянной тоскѣ.

ГРАФИНЯ. Это на мой счетъ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Можетъ—быть.

ГРАФИНЯ. Но виновата-ль я, что здѣсь скучно?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Гдѣ же весело?

ГРАФИНЯ. Не знаю, придумайте.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Помилуй, гдѣ мнѣ, и какое средство?

ГРАФИНЯ. Трудно, вы видите, такъ виноватая я?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А казалось, чего бы лучше?—дача прелесть, погода ясная, Гунгль неподражаемъ, молодежи множество, всѣ веселятся отъ души.

ГРАФИНЯ. Какая тоска!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Тоска тебѣ здѣсь, — поѣзжай за границу.

ГРАФИНЯ. Съ кѣмъ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Со мною пожалуй; спутника менѣе скучнаго не найдешь, — ручаюсь.

ГРАФИНЯ. Напротивъ, mon oncle, вы слишкомъ веселы, вотъ что и скучно.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. По-крайней-мѣрѣ откровенно выражаешься.

ГРАФИНЯ. Простите, мнѣ лѣнь говорить неправду.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*махая рукою*). Отъ души прощаю, и ужъ конечно не поѣду съ тобою; гдѣ мнѣ? А вотъ, мой другъ, что, по моему мнѣнію, остается сдѣлать.

ГРАФИНЯ. Любопытно.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. О первомъ твоёмъ замужствѣ говорить не буду, ты была слишкомъ молода, мужъ былъ слишкомъ старъ, умеръ и Богъ съ нимъ. Выйди за другаго.

ГРАФИНЯ. За кого же,

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Мало ли?

ГРАФИНЯ. Однако?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. За князя Чудина. Собою виденъ, имя блестящее; лучшаго мужчины не знаю.

ГРАФИНЯ. Мужъ красавецъ. — фв!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Хочешь урода?

ГРАФИНЯ. Я ничего не хочу.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А ничего, такъ Богъ съ тобою; кого же винить и на что жаловаться? Право дивное дѣло, непостижимое, — вотъ вѣкъ, вотъ люди! Спроси у нихъ, дай на выборъ все, все, — продумаютъ до старости... не выберутъ ничего... Нѣтъ, попорчена натура, искаженъ вкусъ, взглядъ не тотъ, чувства притупились, — право вѣтакое что-нибудь произошло! Въ наше время выдерживали молодежь, водили на атресоль — правда!

ГРАФИНЯ. Mon oncle!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Не тревожься, подробностей описывать не буду, а умолчать не могу, что всѣ вы пренесчастныя созданія. Ну какъ не пользоваться тѣмъ, что ниспослала судьба на одну твою го-

лову, Елена? — богатство есть, молодость въ полномъ разгарѣ, красота — еще какая! ты прехорошенькая! (*Графиня повертывается спиною*). Прелестъ — клянусь!

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы нестерпимы.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А ты несносна, — повѣрь, ума не приложу.

ГРАФИНЯ. И не нужно!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Не нужно, не нужно, говоришь, — такъ не мѣшай же мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, смѣяться, когда хочется.

ГРАФИНЯ. Только не громко.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Не ручаюсь, чтобы могъ, — впрочемъ попробую... Ахъ — неисправимая ты! (*Вздыхая, беретъ за чтеніе журнала. Послѣ нѣкотораго молчанія, графиня встаетъ съ кушетки, садится за фортепьяно и беретъ нѣсколько аккордовъ; въ это время Павелъ Захаровичъ заливается новымъ смѣхомъ; графиня перестаетъ играть и молча смотритъ на дядю*). Прости меня, мой другъ, не буду, право не буду; ну что же дѣлать, глупо, самъ вижу, что вздору смѣюсь, а не могу, никакъ не могу. (*Хочетъ; графиня пожимаетъ плечами*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Хочешь я уйду?

ГРАФИНЯ. За чѣмъ же?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Запрусь въ мою комнату и ужъ тамъ дохохочу.

ГРАФИНЯ. А вы, mon oncle, воображаете, что четырехъ стѣнъ достаточно, чтобы...

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Какъ четырехъ стѣнъ? неужто мало четырехъ... все-таки слышно?

ГРАФИНЯ. Увы!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ну, ну, — въ такомъ случаѣ надлежитъ изобрѣсти новое средство, болѣе дѣйствительное.

ГРАФИНЯ. Я назначаю на это премію.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Нашель! Дай мнѣ что-нибудь очень серьезное, и возьми этотъ листокъ.

ГРАФИНЯ. Но не смѣтесъ ли вы, mon oncle, надъ моею тоскою, а я ничего серьезнѣе не знаю, какъ она.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Нѣтъ, есть кромѣ твоей тоски много вещей; первая — вотъ она. (*Беретъ газету*) «Полицейская газета»; прекрасно... ну, теперь прости смѣхъ. — Начну съ продажей, — во-первыхъ, поддержанная пролетка, — спросить у дворника Ивана во Второй Адмиралтейской; потомъ, квартира со всеми удобствами — дѣтъ комнаты, то есть, безъ кухни, разумѣется, безъ конюшенъ.

ГРАФИНЯ. Mon oncle, вы будете читать громко.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. А что?

ГРАФИНЯ. Я такъ спрашиваю.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ты этого не хочешь?

ГРАФИНЯ. А какъ вы думаете? (*Павелъ Захаровичъ клянется и начинаетъ читать тихо; въ это время графиня, поклонясь, также беретъ книгу и садится на кушетку;—минутное молчаніе, послѣ котораго Павелъ Захаровичъ вдругъ радостно вскрикиваетъ, графиня содрагается.*)

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я, кажется, вскрикнулъ?

ГРАФИНЯ. И ужасно.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Опять виновать, но какъ же не крикнуть, посуди: Зоринскій въ Петербургѣ.

ГРАФИНЯ. Кто?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Зоринскій, Дмитрій Зоринскій, сынъ Николая Афанасьевича.

ГРАФИНЯ. Слышу въ первый разъ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Помплуй, мой другъ, дѣтymi играли вы вмѣстѣ, прекрасный мальчикъ; съ его отцемъ служилъ я тридцать лѣтъ, чудесный человекъ былъ покойникъ.

ГРАФИНЯ. За чѣмъ же кричать, топ осле?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Сказалъ уже виновать; а какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть молодаго; впрочемъ, неужели онъ не догадается зайти къ намъ въ домъ? Не можетъ-быть. Все-таки напишу ему про всякій слушай, пошлю нарочнаго по жѣлезной дорогѣ. (*Звонитъ, слуга входитъ*). Дай бумагу и чернилъ. (*Слуга уходитъ*) Какъ я радъ, какъ я радъ! Вотъ человекъ, давно его не видалъ, правда, а общалъ быть порядочнымъ. — Вотъ, еслибы тебѣ, мой другъ, ему понравится!

ГРАФИНЯ (*съ удивленіемъ*). Что, топ осле?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Я говорю, что сынъ не можетъ не походить на отца, и подобный мужъ, — но ты, я вижу, смѣешься?

ГРАФИНЯ. А вы говорите серьезно? — Что же, топ осле, мы оба исправилсь отъ своихъ недостатковъ. (*Слуга приноситъ бумагу и чернила и подаетъ Павлу Захаровичу, который, написавъ записку, складываетъ ее и отдаетъ слугѣ*).

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ (*слугѣ*). Ступай сію минуту въ Петербургъ. Въ гостинницѣ Кулона, такъ кажется? (*Смотритъ въ листокъ*) такъ точно, отыщешь Зоринскаго Дмитрія Николаевича, и отдашь ему эту записку отъ меня, — слышишь?

СЛУГА. Слушаю-сь.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да скажи, что ожидаю его непременно, непременно, — понимаешь?

СЛУГА. Понимаю—съ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ну, ступай же — да поскорѣе. (*Слуга уходитъ*). Богъ мой, какъ я счастливъ, какъ я радъ! и сколько хорошаго напомнить мнѣ Дмитрій; какъ весело живали мы съ отцемъ, и сколько плановъ строили! Стояли съ полкомъ въ Зубцовѣ, домъ его вотъ этакъ, а мой — такъ, сойдемся бывало чуть свѣтъ, и начнется хохоть. Веселый былъ.

ГРАФИНЯ. Воображаю, какъ вамъ было весело.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да нѣтъ, да теперь нѣтъ и молодежи такой, все измѣнилось: надъ дружбою, надъ товариществомъ смѣются, а тогда — придетъ въ полночь, разбудить, спросить: спишь? Сплю, а что? Вставай, говоритъ, ѣдемъ. — Ѣдемъ, отвѣчаю; не спрашиваешь, куда везетъ, зачѣмъ везетъ, и спать хочется, а ѣдешь; — въ другой разъ и не хочешь, и какъ не хочешь, а ѣдешь все-таки! Славное было время, славные люди! (*Вздыхаетъ*). Покойный отецъ твой, какъ теперь слышу, говаривалъ намъ съ Николаемъ Афанасьевичемъ: вотъ дожждаться бы, какъ Леночка выростетъ, да выростетъ и Дмитрій... сколько плановъ!

ГРАФИНЯ. Планы, mon oncle?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Да, соединить васъ, т. е. тебя съ Дмитріемъ. Но къ сожалѣнію, онъ пристрастился къ морю, старики умерли, и все разстроилось.

ГРАФИНЯ (*иронически*). Какъ я несчастлива!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Впрочемъ молодой человекъ не обѣщаль сдѣлаться тѣмъ, что нравится теперешнимъ женщинамъ.

ГРАФИНЯ. А именно?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Онъ не хорошъ, не танцуетъ, не любитъ общества, не болтаетъ вздора, не любезничаетъ какъ современные львы, не носятъ гривы, и больше занимается головою, чѣмъ ногами...

ГРАФИНЯ. Сколько рѣдкихъ достоинствъ!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Ты и его не щадишь?

ГРАФИНЯ. Напротивъ, mon oncle, все, что вы говорите про Зоринскаго, мнѣ нравится; всѣ эти свойства выходятъ изъ общей рамки свѣтскихъ молодыхъ людей, которые, но совѣсти, страхъ какъ присмотрѣлись.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, онъ не по тебѣ. Куда! объ этомъ и думать теперь нечего; я знаю, Дмитрій не женится, не таковъ человекъ.

тый каламбуръ, одѣтый по журналу, — и смѣть называться мужчиной! Неужели Ledy Ravena не расхохоталась бы, смотря на лучшей букетъ современныхъ вздыхателей, неужели... тоска, ужасная тоска!

СЛУГА. Дмитрій Николаевичъ Зоринскій, ваше сіятельство.

ГРАФИНЯ Я приказала не принимать.

СЛУГА. Они спрашиваютъ Павла Захаровича.

ГРАФИНЯ. Скажи въ вокзалѣ (*Слуга хочетъ идти*). Впрочемъ про-
си. (*Слуга уходитъ*) Еще псытаніе.

(*Зоринскій, одѣтъ просто, но со вкусомъ*).

ЗОРИНСКІЙ. Неужели Елень? Какъ вы перемѣнились!

ГРАФИНЯ (*едва привставая*). Мг. Зоринскій!

ЗОРИНСКІЙ. Вамъ сказали? — узнать меня вы не могли. Гдѣ-жъ
Павель Захаровичъ?

ГРАФИНЯ. Онъ въ вокзалѣ, я пошлю за нимъ.

ЗОРИНСКІЙ. Какъ хотите, впрочемъ конечно лучше: въ 10 часовъ
мнѣ нужно быть въ Петербургѣ (*Садится*).

ГРАФИНЯ (*звонитъ и говоритъ вошедшему слугѣ*). Отыщи Павла
Захаровича и скажи, что ожидаемый имъ гость пріѣхалъ (*Слуга ухо-
дитъ*).

ЗОРИНСКІЙ. А онъ ждалъ меня?

ГРАФИНЯ. Случайно вычиталъ имя ваше въ листкѣ пріѣзжихъ.

ЗОРИНСКІЙ. Тѣмъ лучше; сюрпризовъ не терплю. Вы же неразлуч-
ны съ дядюшкою вашимъ?

ГРАФИНЯ. Съ минуты потери мужа.

ЗОРИНСКІЙ. Да, графиня, я слышалъ какъ-то, не помню отъ кого
именно... но надѣюсь, что послѣдствія несчастія, то есть первая грусть
уснѣла уже...

ГРАФИНЯ. Подобныя потери не забываются.

ЗОРИНСКІЙ. Голь!

ГРАФИНЯ. Всю жизнь!

ЗОРИНСКІЙ. Не случалось убѣдиться въ этой истинѣ, впрочемъ мо-
жетъ быть.

ГРАФИНЯ. Вы же, М-г Зоринскій, по прежнему вѣчный странникъ?

ЗОРИНСКІЙ. Больше чѣмъ когда-нибудь.

ГРАФИНЯ. А поцали къ намъ въ Россію?...

ЗОРИНСКІЙ. Чтобы сдѣлаться членомъ Яхтъ—Клуба.

ГРАФИНЯ. Потомъ.

ЗОРИНСКІЙ. Плыу на югъ, — люблю Пурвантъ; ничтожный горо-
докъ среди померанцевой рощи, въ снѣгахъ Пиреней; надъ нимъ вѣч-
но голубое небо, надъ нимъ лазуревый заливъ,—дышать легко.

- ГРАФИНЯ.** Почему же не предпочтете вы Неаполь?
- ЗОРИНСКІЙ.** Въ немъ много людей.
- ГРАФИНЯ.** Вы мизантропъ?
- ЗОРИНСКІЙ.** Нѣтъ, графиня; просторъ, природа и вѣчное движеніе, вотъ мои элементы, люблю ихъ какъ друзей.
- ГРАФИНЯ.** Вы счастливы.
- ЗОРИНСКІЙ.** Почти.
- ГРАФИНЯ.** Зачѣмъ это слово?
- ЗОРИНСКІЙ.** Не достаетъ чего-то.
- ГРАФИНЯ.** А именно?
- ЗОРИНСКІЙ.** Товарища; васъ можетъ быть!
- ГРАФИНЯ** (*съ удивленіемъ*). Меня?
- ЗОРИНСКІЙ.** Да, васъ, графиня, или вообще существа, которому я могъ бы сказать, что я счастливъ.
- ГРАФИНЯ** (*смильсь*). Но безъ любви, даже безъ симпатіи.
- ЗОРИНСКІЙ.** Какъ безъ симпатіи, почему безъ симпатіи?
- ГРАФИНЯ.** Товарищъ вашъ, надѣюсь, долженъ прежде всего вамъ понравиться.
- ЗОРИНСКІЙ.** Конечно.
- ГРАФИНЯ.** А это легко, М-г Зоринскій?
- ЗОРИНСКІЙ.** Говоря про васъ, полагаю легко.
- ГРАФИНЯ** (*смильсь*). Неужели надобно благодарить?
- ЗОРИНСКІЙ.** Кого? меня? за что же?
- ГРАФИНЯ.** За любезность, за выборъ.
- ЗОРИНСКІЙ.** О нѣтъ, я сказалъ правду.
- ГРАФИНЯ.** Въ такомъ случаѣ, М-г Зоринскій, остается узнать, точно такъ ли скоро понравитесь вы мнѣ?
- ЗОРИНСКІЙ.** Смотря, графиня...
- ГРАФИНЯ.** Однако.
- ЗОРИНСКІЙ.** Если цѣль ваша быть совершенно счастливою, то вопросъ рѣшенъ.
- ГРАФИНЯ.** И...
- ЗОРИНСКІЙ.** Со мною вы будете счастливы.
- ГРАФИНЯ** (*смильсь*). Право?
- ЗОРИНСКІЙ.** Безъ всякаго сомнѣнія.
- ГРАФИНЯ.** Даказательства!
- ЗОРИНСКІЙ.** Очень ясны: во-первыхъ — я не ревнивъ.
- ГРАФИНЯ.** Тѣмъ хуже.
- ЗОРИНСКІЙ.** Это почему?
- ГРАФИНЯ.** Значитъ вы неспособны любить.

ЗОРИНСКІЙ. А вы, графиня, этого бы желали?

ГРАФИНЯ (*смѣясь*). Можетъ—быть.

ЗОРИНСКІЙ. Даю вамъ честное слово.

ГРАФИНЯ. Въ чемъ?

ЗОРИНСКІЙ. Въ томъ, что буду любить.

ГРАФИНЯ. Merci.

ЗОРИНСКІЙ. Потомъ, наскучить женѣ я не могу, — страсть моя: море и вообще природа; страсть эта такъ велика, что большую часть времени посвящаю имъ.

ГРАФИНЯ. Тѣмъ хуже.

ЗОРИНСКІЙ. Какъ?

ГРАФИНЯ. Соперницъ ненавижу.

ЗОРИНСКІЙ. Вы ревнивы.

ГРАФИНЯ. Ужасно!

ЗОРИНОКІЙ. Тѣмъ лучше; это свойство въ женщинахъ вѣрное ручательство за ихъ постоянство. — Повѣрьте, графиня, мы будемъ счастливы.

ГРАФИНЯ (*смѣясь*). Но вкусы наши, М-г Зоринскій? я страшусь, различіе вкусовъ...

ЗОРИНСКІЙ. Напримѣръ?

ГРАФИНЯ. Вы любите Пурвантъ.

ЗОРИНСКІЙ. Очаровательный край, графиня; вѣчная весна тамъ дышетъ ароматомъ.

ГРАФИНЯ. Мнѣ нужны люди, свѣтъ.

ЗОРИНСКІЙ. Предлагаю мѣръ цѣлый.

ГРАФИНЯ. Мнѣ общество необходимо.

ЗОРИНСКІЙ. Всѣ націи къ услугамъ вашимъ.

ГРАФИНЯ. Вы слишкомъ уступчивы, большой порокъ.

ЗОРИНСКІЙ. До сей минуты, графиня, мы только согласны.

ГРАФИНЯ. Не понимаю.

ЗОРИНСКІЙ. Я согласенъ помочь вамъ искать то, чего не достаетъ для полнаго вашего счастья.

ГРАФИНЯ. И вы способны были бы сдѣлать это?

ЗОРИНСКІЙ. Сдѣлать больше, графиня, довѣрить вамъ свое.

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, вы эгоистъ.

ЗОРИНСКІЙ. И основываете вы это предположеніе?

ГРАФИНЯ. На всеъ.

ЗОРИНСКІЙ. А именно?

ГРАФИНЯ. Слушайте: на вопросъ мой, счастливы ли вы вполнѣ? вы

отвѣчали: почти,—и не достаетъ вамъ товарища... меня можетъ-быть!..

Вы это сказали?

ЗОРИНСКІЙ. И подтверждаю, графиня.

ГРАФИНЯ. Какою же цѣною хотите вы купить у меня это почти?

ЗОРИНСКІЙ. Цѣною того, что не достаетъ для полного моего счастья,

ГРАФИНЯ. То есть?

ЗОРИНСКІЙ. Цѣною полного счастья, графиня.

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, игра словъ, игра же наша должна была бы быть серьезнѣе.

ЗОРИНСКІЙ. Я чрезвычайно серьезно готовъ любить васъ, графиня.

ГРАФИНЯ. Капризь!

ЗОРИНСКІЙ. Онъ первый у меня въ этомъ родѣ!

ГРАФИНЯ. Но кто же поручится, что онъ же будетъ и послѣдній въ этомъ родѣ?...

ЗОРИНСКІЙ. Вашу руку, графиня, и я повѣрю.

ГРАФИНЯ. Все это чрезвычайно мило, но до сей минуты, замѣтьте, мы говоримъ только про васъ однихъ.

ЗОРИНСКІЙ. А про васъ, графиня, говорили мы съ отцемъ моимъ вашимъ дядею въ-продолженіе всей моей молодости...

ГРАФИНЯ. Да, я слышала, но вы уѣхали...

ЗОРИНСКІЙ. Съ полною надеждою на будущность, на васъ, графиня!

ГРАФИНЯ. М-г Зоринскій, я не знала васъ тогда; океанъ дурной повѣренный въ любви; вы поставили его между нами, онъ молчалъ...

ЗОРИНСКІЙ. Вы вышли замужъ, графиня, и этому же океану повѣрилъ я мое отчаяніе, — но онъ молчалъ... вы и этого не знали.

ГРАФИНЯ (*посль нѣкотораго молчанія*). М-г Зоринскій, разговоръ нашъ принялъ странный оборотъ; мы знакомы такъ недавно...

ЗОРИНСКІЙ. Позвольте, графиня, предложить вамъ всю мою жизнь для продолженія знакомства.

ГРАФИНЯ. Вы будете раскаяваться.

ЗОРИНСКІЙ. Раскаяваюсь уже; что не сдѣлалъ этого ранѣе.

ГРАФИНЯ. Во мнѣ тѣмъ недостатковъ.

ЗОРИНСКІЙ. Они примирятъ меня съ собою.

ГРАФИНЯ. На жизнь смотрю я съ странной точки; вы будете недовольны мною.

ЗОРИНСКІЙ. Какое мнѣ дѣло, графиня, и смотря всю жизнь на одну васъ, я буду доволенъ, — повѣрьте,

ГРАФИНЯ. А противорѣчія?

ЗОРИНСКІЙ. Ихъ быть не можетъ.

ГРАФИНЯ. Напротивъ, и первое....

ЗОРИНСКІЙ. Что же, графиня?

ГРАФИНЯ. Я не ѣду въ Пурвантъ.

ЗОРИНСКІЙ. Предлагаю Лондонъ,

ГРАФИНЯ. Согласна, но вы въ немъ не избѣгнете людей, М-г Зоринскій.

ЗОРИНСКІЙ. Лондонъ пусть, съ утра до ночи всѣ на выставкѣ... она же васъ не привлечетъ.

ГРАФИНЯ (смѣясь). Не ручаюсь, М-г Зоринскій.

ЗОРИНСКІЙ. Повѣрьте, не любопытна; хотите, я покажу вамъ ее во всей подробности, и сами убѣдитесь.

(За кулисами слышенъ голосъ Павла Захаровича).

Гдѣ онъ, гдѣ онъ? *(Павелъ Захаровичъ входитъ съ распротертыми объятіями).* Другъ, Дмитрій! вотъ спасибо, самъ вспомнилъ, самъ забхалъ, знать не измѣнился къ старымъ друзьямъ *(Обнимаетъ его)* А я, сознаюсь, усумнился, ужъ вѣкъ таковъ; думалъ, и взглянуть не захочетъ на старика, — послалъ нарочнаго въ Петербургъ.

ЗОРИНСКІЙ. Напрасное сомнѣніе, Павелъ Захаровичъ, чувства мои къ вамъ наследственныя, а наследствомъ кто же не дорожитъ и въ нашъ вѣкъ?

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Еще разъ спасибо *(Снова цѣлуетъ)*; а вѣдь точь въ точь покойный Николай Афанасьевичъ; чѣмъ больше смотрю, тѣмъ грустиѣе становится... Эхъ! былъ человекъ—то какой... ну да не вернешь! *(Утираетъ глаза).* Надолго ли же ты къ намъ, Дмитрій Николаевичъ?

ЗОРИНСКІЙ. Нѣтъ, почтеннѣйшій Павелъ Захаровичъ, увы, ситѣшнымъ,—время всемірной выставки, дня три, четыре пробудемъ, больше нельзя, опоздаемъ!

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Только—то? Напрасно же, другъ, и свидѣлись; ненавижу разставаній.

ЗОРИНСКІЙ. Кто же велитъ, Павелъ Захаровичъ? Ѣдемъ съ нами,—не правда ли, Елень? *(Графиня хохочетъ, а Павелъ Захаровичъ, смотритъ на племянницу съ изумленіемъ).*

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Елень! Елень! брависсимо!

СЛУГА (вбѣгаетъ). Князь Чудинъ.

ГРАФИНЯ. Богъ мой, какая тоска! отказать.

СЛУГА. Они вошли, они въ прихожей, ваше сіятельство.

ЗОРИНСКІЙ. Такъ скажи князю, что намъ некогда, что мы говоримъ о вещахъ серьезныхъ.

ПАВЕЛЪ ЗАХАРОВИЧЪ. Слугъ неловко, вѣдь гость этотъ претендентъ

(Обращаясь къ графинѣ); а позволъ мнѣ его спровадить. Позволяешь?

ГРАФИНЯ. Пожалуйста, топ осле; но что же вы ему скажете? Въдь онъ узнаеть, что мы не одни.

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Я скажу, мой другъ, что у тебя женихъ.

ГРАФИНЯ. Моп осле!

СЛУГА. Прикажете принять?

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ (слугъ). А безъ этой причины разумѣется принять.

(Зоринскій беретъ шляпу и пресерьозно кланяется графинѣ.)

ГРАФИНЯ. Вы же куда, М-г Зоринскій?

ЗОРИНСКІЙ. Въ Пурвантъ, графиня; для одиночества нѣтъ лучше уголка!

ГРАФИНЯ. А Лондонъ, а наши планы?

ЗОРИНСКІЙ. А князь, графиня? Что дѣлать съ княземъ?

ГРАФИНЯ (съ нетерпѣніемъ). Съ княземъ? Ахъ, Боже мой, какъ это скучно! Ну сдѣлать его шаферомъ. (Протягиваетъ Зоринскому руку).

ПАВЕЛЬ ЗАХАРОВИЧЪ. Шаферомъ?... (слугъ) Прися!